

Донская конная артиллерия.

Мы скучали в карантине, возвращаясь в 1829 году из турецкого похода, не то на Прут, не то на Днестр и потешались, от нечего делать, ученьем донской конной артиллерии под начальством Кирпичева. Ученье это, в самой вещи, было делом потешным. Начиналось всегда тем, что дикие, застоявшиеся кони кое-как еще сносно выезжали на позицию и строились; но затем, едва выждав первую команду, прядя ушами, несли врозь, во все стороны: мчались неудержно пушки шестерней, зарядные ящики тройками, мчались по широкому полю на кругах, во весь дух, и только уходявшись и упарившись порядком, исподволь смирялись и наконец снова выстраивались. Стук и грохот заглушал все, командных слов не было слышно, да и никто не был в силах исполнять их. По окончании этого вступления, все приходило в порядок, снова раздавалась команда "смирно" и начиналось ученье.

Сидя ночью за костром, мы шутили над этим, когда подошел к огню и сам Кирпичев. "Да, господа, смейтесь", сказал он, "а с этими людьми и лошадьми не пропадешь, только надо быть о двух головах. В прошлом 1828-м году, государь император отправился из армии на два перехода, выслав вперед на привал дивизион Северскаго конно-егерскаго полка и пол-роты нашей конной артиллерии, тогда как в конвой с его величеством пошел другой дивизион того же полка и другая половина моей конной роты. Выступили на заре при тихой, прекрасной погоде. Государь был весел; кроме штаба и полкового командира, я также присоединился к конвою. Место было безопасное; государь приказал вызвать песенников, сперва конных егерей, а потом, на смену им, казаков. Прошли уже половину перехода; тогда государь сказал:

-- "Тут кажется дойдем и без конвоя, до привала должно быть не далеко", и, оборотясь, сказал "спасибо", и конным егерям и нам, и приказал отпустить конвой.

Услыша за собою топот, государь оглянулся, и, увидав меня, спросил: "Куда-ж вы?"

Я отвечал, что моя полурота впереди, на привале, и потому прошу его величество дозволить мне остаться.

Прошло несколько минут или более, как вдруг впереди послышался выстрел. Государь остановился и, оборотясь, глядел на нас. Из авангарда прискакал фланкер, подтвердивши, что впереди был слышен выстрел. Государь, простояв молча несколько секунд в нерешимости, сказал: "Воротить конвой".

Полковой командир пустился во все лопатки! Обратясь ко мне, государь прибавил: "Кирпичев, приведи мне свою полуроту!" Под полковником был конь лихой, но манежный, не наш степной; я чухнул, обскакал товарища и догнав полк, пролетая мимо, закричал дивизионному: "Воротитесь, государь в опасности!" А настигнув артиллерию, которая шла наперед, гаркнул без команды во весь голос: "Ребята! государь в опасности! На лево кругом, марш-марш! подхватывай на лямки!"

Вот и загрохотали мои пушки и ящики, ровно здесь на ученьи, в чистом поле, а казаки, подскакивая под орудия, захлестывали лямки и неслись во весь дух. Так мы обогнали конных егерей без оглядки, по сказочному: стал передо мной, как лист перед травой! И полурота моя неудержно пронеслась мимо царя, насилу справившись, чтобы остановиться. Я подскакал к государю, он вынул часы и взглянув на меня, сказал: "Молодцы!" Потом подъехал к полуроте, сказал спасибо, выслушал: "рады стараться", и увидав пыль из-под конных егерей, опять вынул часы, выждал приближение дивизиона и сказал мне: "Кирпичев, ты на семь минут опередил конных егерей!"

Тревога оказалась пустою, но наша дикие кони, как видите, свое сделали!"

В.И. Даль